

Наши юбилеи

Борис ВАСИЛЬЕВ: «Я НЕИСПРАВИМЫЙ ОПТИМИСТ!»

Книги Бориса Васильева любят все. Накануне 70-летнего юбилея наш корреспондент встретился с писателем в его подмосковном доме и поздравил от имени всех читателей его книг и, конечно же, коллектива «КО». Состоявшуюся беседу мы и предлагаем вашему вниманию.

— Борис Львович, вам исполняется 70 лет. С каким настроением — человеческим и творческим — вы пришли к этой дате?

— В моем ответе два пласта. Во-первых, может быть, я наивный человек, — но иногда я чувствую себя очень счастливым. Главным образом потому, что мне довелось родиться в России, которая оказалась в XX веке в центре мировых исторических событий. Наш век стал веком России. А история — моя давняя любовь, если бы не война, я был бы историком, и для меня счастье быть в центре мирового исторического процесса.

Второе, — если говорить о творчестве — сейчас, конечно, трудные времена для писателей. Но не в экономическом плане — я не люблю этой темы — а потому, что события сменяются со стремительной быстротой, вчерашний день буквально не похож на сегодняшний, и писателю не остается необходимого времени, чтобы все обдумать. Я не могу писать, когда кого-то не люблю, а кого-то люблю, это для меня не творческое состояние. Но сейчас у меня есть свои симпатии, свои антипатии, политические пристрастия, хотя по писательски я, честно говоря, должен любить и англичанцев...

— Из этого следует вопрос: что вообще необходимо писателю в профессиональном плане, кроме общечеловеческих веры, надежды, любви?

— В профессиональном плане любовь или нелюбовь вытекает из поступков ваших героев, а не из политических пристрастий — для меня так должно быть. Но поскольку я заряжен изнутри на определенные полюса, я не могу сегодня сесть и написать роман или повесть о современности. Я пристрастен, и писатель должен быть пристрастен, но, как вы сами сказали, по высоким нравственным категориям!

Эмоции я выплескиваю в публицистике, — статьи регулярно печатаются — больше всего в журнале «Московский клуб». Спасение для меня — история, и сейчас я пишу исторический роман.

— Сразу вопрос: о чем?

— Дело в том, что в русской истории очень много не столько темных пятен, сколько неясностей, недосказанностей и сознательной путаницы. Например, вам никогда не казалось странным, что по-русски мы наделяем все остальные нации определением существительного: швед, француз, японец, грузин, — а себя называем прилагательным — «русские»? Меня это еще в детстве удивило — почему прилагательное? Чьи «русские» — кому-то принадлежащие русские?

Мне это показалось любопытным. Я сделал попытку объяснить это в своем новом романе о раннем средневековье Руси, о котором мы не так много знаем.

Споры о том, почему мы называемся Русью, Россией, шли всегда. В период «борьбы с космополитизмом» появилось много статей и работ, которые пытались объяснить это название. Вплоть до того, что мы, дескать, назывались так по реке Рось. Но тогда мы — единственный в мире народ, называющий себя по какой-то реке. Да такого и не может быть, потому что народ мы пришли, мы — индоевропейцы. А названия все, за редким исключением, старые, унаследованные из прошлых эпох. Опираясь на то, что мы сами называли речку Рось, и потому называли так же Россию, — смешно.

Зато в истории есть другие примеры. Скажем, Болгария. Булгары пришли с Волги, завоевали славянский народ, который как-то (как — мы не знаем) назывался, были ассимилированы, а название осталось. То же самое произошло и с Францией, где жили галлы. Туда вторглось германское племя франков. Франки исчезли, растворившись в массе населения, а название Франция осталось. С нами — то же самое. Был когда-то народ, который оставил нам свое имя.

Почему до сих пор северный город называется Старая Русса? Ведь Русь — на юге. А это была земля Господина Великого Новгорода. Новгородской Руси не было. Места здесь никогда не назывались Русью, пока наши предки под давлением половцев не отступили на север, уступив им Дикое Поле. Но название Старая Русса к тому времени уже было, что меня и смущало. Пока я не прочитал некий намек у Льва Гумилева и не раздобыл историка, на которого он ссылался.

Готский историк VI века Иордан оставил любопытные заметки — они изданы в России. Он пишет, что готы вторглись в южную Прибалтику, где в то время жило германское племя русов. Готы отбросили русов на восток, расколов это племя, и ушли дальше. Русы прижились южнее Ильменя, но, сбившись со своих пахотных земель, вынуждены были существовать частью грабежом, частью — разбоем. Иордан описывает отличие русов от славян. Рус умывается в тазу — как и до сих пор в Европе: затыкают раковину и умываются, — а славянин умывается под струей. Второй признак — славяне никогда не бреют голову, они стригутся под горшок, а русы всегда сбивают голову, оставляя один чуб. Вспомните запорожских казаков, запомнивших этот обычай, — оселедец, знак воина!

Если сравнить рассказ Иордана с описаниями современниками Святослава — крупнейшего раннего русского полководца, у которого была бритая голова и только свисал на ухо длинный чуб, определявший его знатное происхождение, — получится, что русы были как таковые, и отличались от нас!

Когда появилась Киевская Русь, которую они — русы — организовали, вся правящая верхушка была из них. Если взять сохранившийся договор с Византией, там нет ни одного славянского имени — все дипломаты были из русов. Затем произошла постепенная ассимиляция, а после Крещения — полное растворение русов в славянском окружении. Все стали называться «русскими» — принадлежащими русам, Руси...

Примерно обо всем этом я и пишу сейчас роман.

— Много уже написано?

— Говоря осторожно, одна четвертая часть. Но я должен сдать его не позднее конца декабря — два издательства уже ждут его.

— С какими издательствами вы сотрудничаете?

— Первое — это «АСТ-пресс», на мой взгляд, очень хорошее издательство. Они ничего еще не читали — просто узнали, о чем я пишу, и сразу попросили: «Давайте нам!»

Второе — небольшое издательство из Смоленска, откуда я родом, — «Имаком-Траст», которое вздумало вдруг выпустить собрание моих сочинений. Сейчас — к юбилею — готовят первый том.

— А что у вас выходило в последнее время?

— Сборники — в основном из старых вещей — «А зори здесь тихие», «В сплосках не значился», «Не стреляйте в белых лебедей». Сейчас выходит сборник в том же издательстве «АСТ-Пресс», которое само обратилось ко мне с предложением включить в свою серию «Новая русская классика». Еще больше я порадовался, когда они захотели издать мой исторический роман «Были и небыли». Роман этот отнюдь не для легкого чтения, но я доволен им более всего из написанного, потому что все остальное писалось под каким-то советским знаком. И меня это все время мучило — я хотел написать что-то в стиле именно русской, а не советской прозы. В стиле русского представления о слове, о диалоге, о размышлении... И я написал такую вещь — на материале биографии моих дедов по материнской линии братьев Алексеевых,

народников, один из которых — Василий Иванович, был учителем сына Толстого — Сергея Львовича. Он же спас «Евангелие» Толстого, переписав его за одну ночь. Лев Николаевич послал в Синод единственный экземпляр, который сразу уничтожили, и если бы не мой двоюродный дед — оно бы погибло.

Роман этот писался на очень интересных судьбах. Меня привлекала совесть этих людей, они были для меня образцами в наше безнравственное время, и я рад, что сейчас, когда читают неизвестно что, нашлись люди, которые хотят его издать.

— У нас стихийно складывается беседа исторического характера. Какой, с вашей точки зрения, период истории кажется вам наиболее сходным с нынешней российской Смутой?

— Все смутные времена не очень похожи друг на друга. Внешне — похожи, да, крушение экономики, крушение культуры, растерянность народа, потеря смысла, того, что у нас красиво именуется национальной идеей. Но народ не живет идеями! Народ живет миром. Общепризнанный смысл существования означает для меня внутреннюю договоренность правительства и народа: «Вы нас защищаете и предоставляете нам возможность спокойно работать. А мы вам за это платим налоги». Когда по тем или иным причинам что-то ломается, никто уже никого не защищает, никто не платит налогов. То есть то, что мы и имеем сегодня.

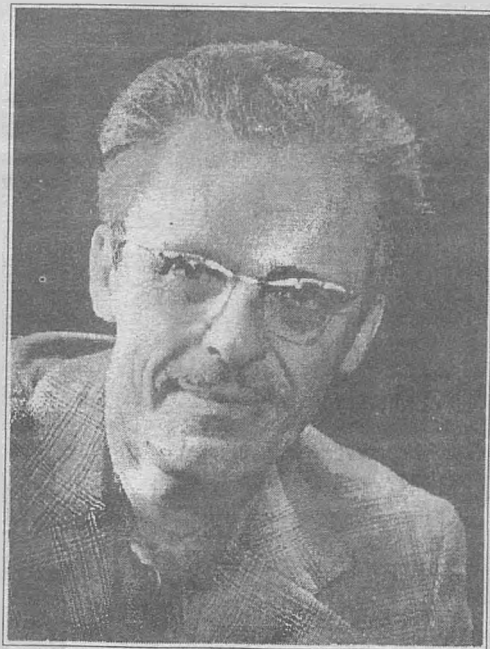
Если говорить об аналогиях, все это бывало у нас раньше, и сначала сравнение проглядывалось. Мы начали, было, повторять собственную историю — неприятное начало 1918 года, когда страна раскололась на два понимания собственной судьбы — на белых и красных. Кстати, когда-нибудь и тем, и другим надо поставить общий памятник — ведь и те, и другие воевали за родину.

Но в последнее время мне стало казаться, что мы пошли по пути французской революции, а это путь кровавый. С одной только поправкой — Вандея у нас победила, победила еще в застойные годы, постепенно вползла в нашу жизнь, резко понизив наш культурный потенциал. А демократия требует вполне определенного культурного уровня. Дикое, малокультурное население ее не воспринимает. И сейчас Мараты и Дантоны уже изгнаны из правительства. Я с ужасом думаю, что очередная Шарлотта Корде уже точит свой кинжал...

Если мы посмотрим на реформы Александра II, то увидим, что эта первая «перестройка», проводившаяся сверху, была очень хорошо продумана. Указ об освобождении крестьян от крепостного права был только началом, после чего правительство экономикой не занималось, понимая, что она подождет. А вот культурный уровень — в общегосударственном масштабе — повысить было необходимо. И первым стал указ о судопроизводстве, который сделал суд в России самым прогрессивным в мире. Следующий шаг — реорганизация полиции, которая призвана была защищать народ. Третий — Указ об образовании, которое становится всеословным.

К свободе общество готовят, повышая его культуру. И только после этого можно заниматься экономикой. Александр II был самым мудрым нашим государем, имперских амбиций у него не было. За что его и убили — потому что он был попереки горла и левым, и правым экстремистам. А что сейчас? То же отсутствие культуры? Итоги выборов 12 декабря — результат неподготовленности народа к свободе. Народ, страна получили на свою шею Жириновского.

— Но дело еще и в том, что нам не из кого выбирать — у нас нет национальной элиты: она или уничтожена, или разбегалась...

— ...И переродилась отчасти. Главное, что духовную элиту очень трудно создать, но именно она определяет жизнь нормального общества. У нас этого нет. У нас, к сожалению, общество специалистов, но не интеллигентов. И еще одна опасность — советская пропаганда, советский образ жизни, советская система преподавания приучили нас к системе простых решений. Жизнь каждого была запрограммирована: школа, пионерлагерь, галстук, комсомол... За всех подумали.

— Это уже вопрос идеологии, которая и была задумана так, чтобы давать доступный и однозначный ответ на любой вопрос.

— Да, нас к этому приучили, и этим прекрасно воспользовался великолепный, лучший наш оратор — Владимир Вольфович Жириновский.

— Борис Львович, давайте вернемся к литературе. Насколько я знаком с вашими произведениями — в основном военной тематики, у вас, как правило, несчастливый, трагический конец. Что это — приверженность жесткому, жестокому реализму или общий пессимистический взгляд на мир?

— Нет, я не пессимист, напротив, по натуре я неискоренимый оптимист. Тут были другие соображения.

Я написал свою первую повесть — «А зори здесь тихие», — когда мне было 45 лет, в 1969 году. Уже тогда я ощущал вокруг некое благостное равнодушие. Мне хотелось взять и встряхнуть этих носорогов — так, чтобы до сердца пробило... Второе, наверное, более существенное соображение заключается в том, что на фронте неопытный человек, тем более девушка, просто не может выжить. Басков остается в живых не потому, что сохраняю жизнь, а потому, что он умеет воевать. Он профессионал, а они обречены — он это прекрасно понимает, и в этом его трагедия. Кроме того, я всегда писал про хороших людей, добрых. А они более обреченные, более уязвимые. И наконец, последнее: что, русская классическая литература знает хорошие концы?

— Да уж, мы не страна комедий.

— Мы страна трагедий. Вся русская литература трагична. У нас не существует «хэппи-энда», за одним исключением — Островский. Но он писал для нарождавшейся русской буржуазии, в представлении которой справедливость, закон всегда должны торжествовать.

Но в основном русская литература призвана была поставить грамотного, читающего человека перед страшным фактом: у нас сплошная несправедливость в государстве, у нас Митю Карамазова вместе с Катюшей Масловой — безвинных людей — ссылают!..

И для меня русская литература — самое великое достижение человечества!

— Подойдя к 70-летию юбилею, с оптимизмом ли вы смотрите в будущее?

— Я уже говорил, что оптимист по натуре. Хочу добавить одно. Я не понимаю, как человек, работающий в искусстве, может позволить себе скулить, жаловаться, просить. Меня как писателя просто обижает, когда кто-то из коллег начинает жаловаться — условия, мол, не те, и так далее... Все наши условия — это что-то была бумага и карандаши. Остальное — в тебе. Наша единственная возможность — сесть и написать.

Беседовал.
Александр ВОЗНЕСЕНСКИЙ.